

Е. А. АННЕНКОВА

Генрих Манизер: «НУ, ВСЁ! В ЭТОМ ГОДУ ЕДУ В КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ!»

Среди многочисленных фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук есть небольшие и малоизвестные личные фонды, за которыми тем не менее стоят большие личности и скрываются невероятные истории. В одном из них хранятся документы Генриха Генриховича Манизера. Прожив неполные двадцать восемь лет, этот талантливый и многогранный человек проявил себя как этнограф, антрополог, лингвист, путешественник, а также музыкант и художник. Главным и самым значимым делом его короткой и насыщенной жизни стало участие во Второй русской экспедиции в Южную Америку, начавшейся за несколько месяцев до Первой мировой войны

К 110-летию
Второй русской
экспедиции
в Южную Америку
(1914–1915 гг.)

Большой тукан (*Ramphastos toco*).
Цветной карандаш. Рис. Г. Г. Манизера.
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 39. Л. 1

Г. Г. Манизер после путешествия
по Кавказу. 1907 г. СПбФ АРАН.
Ф. 985. Оп. 1. Д. 65. Л. 27

«Villa Kaingang» (Вилья Каинганг,
Бразилия). Карандаш. 30 октября
1914 г. Рис. Г. Г. Манизера.
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 14. Л. 1

АННЕНКОВА Елена Александровна – старший научный сотрудник отдела учета и использования документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Автор и соавтор 51 научной работы

Ключевые слова: Генрих Генрихович Манизер, СПбФ АРАН, Южная Америка, Вторая русская экспедиция в Южную Америку, Григорий Иванович Лангсдорф, Бразилия, этнография, индейские племена.

Key words: Genrikh G. Manizer, SPbB ARAS, South America, Second Russian Expedition to South America, G.I. Langsdorff, Brazil, ethnography, Indian tribes

Русские, возможно, «открыли Америку» еще в XVII в. – через полтора века после знаменитой испанской экспедиции Колумба в Новый Свет. Как известно, осенью 1648 г. кочи экспедиции С. И. Дежнева вошли в пролив, разделяющий Азию и Северную Америку. Позже этот пролив будет назван Беринговым – в честь командора В. Беринга, экспедиция которого в 1741 г. – сто лет спустя – исследовала Алеутские острова и берега Аляски.

«Открытие» русскими Южной Америки началось позднее и велось не так масштабно. Оно не было связано с проектами колонизации и заключалось в дипломатических миссиях и научно-исследовательских экспедициях, внесших значительный вклад в изучение природы, этнографии и культуры Нового Света. Примером может служить первое русское кругосветное плавание под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского в 1803–1806 гг., маршрут которого проходил вокруг мыса Горн – южной оконечности континента.

Первопроходцем, открывшим южноамериканский континент для русской науки, стал Григорий Иванович Лангсдорф (Георг Генрих фон Лангсдорф), русский дипломат, натуралист и путешественник немецкого происхождения. Экспедиция, состоявшаяся в 1821–1829 гг. под его руководством и традиционно именуемая Первой русской экспедицией в Южную Америку, охватила обширные территории Бразилии, включая штаты Минас-Жерайс, Сан-Паулу, Мату-Гросу и другие регионы. Но хотя экспедиция Лангсдорфа и стала одной из самых масштабных и значительных научных миссий в Южной Америке в XIX в., она не получила широкой известности и ее результаты почти столетие оставались в тени.

Первым, кто возродил интерес к этому научному путешествию, стал молодой петербургский этнограф Генрих Манизер. В музее Рио-де-Жанейро он обнаружил экспонаты, удивительно похожие на те, что хранились в Этнографическом музее Императорской Санкт-Петербургской Академии наук с пометкой *Langsdorff*, и выяснил, что так звали путешественника из России, собиравшего материалы об Амазонии.

Сам Манизер отправился на южноамериканский континент не туристом, а в качестве участника научной экспедиции, известной как Вторая русская экспедиция в Южную Америку. К сожалению, история этого предприятия, совершенного в годы, драматичные не только для отечественной науки, но и для всей страны, также осталась малоизвестной. Сегодня, 110 лет спустя, пришло время вспомнить о ней и ее участниках.

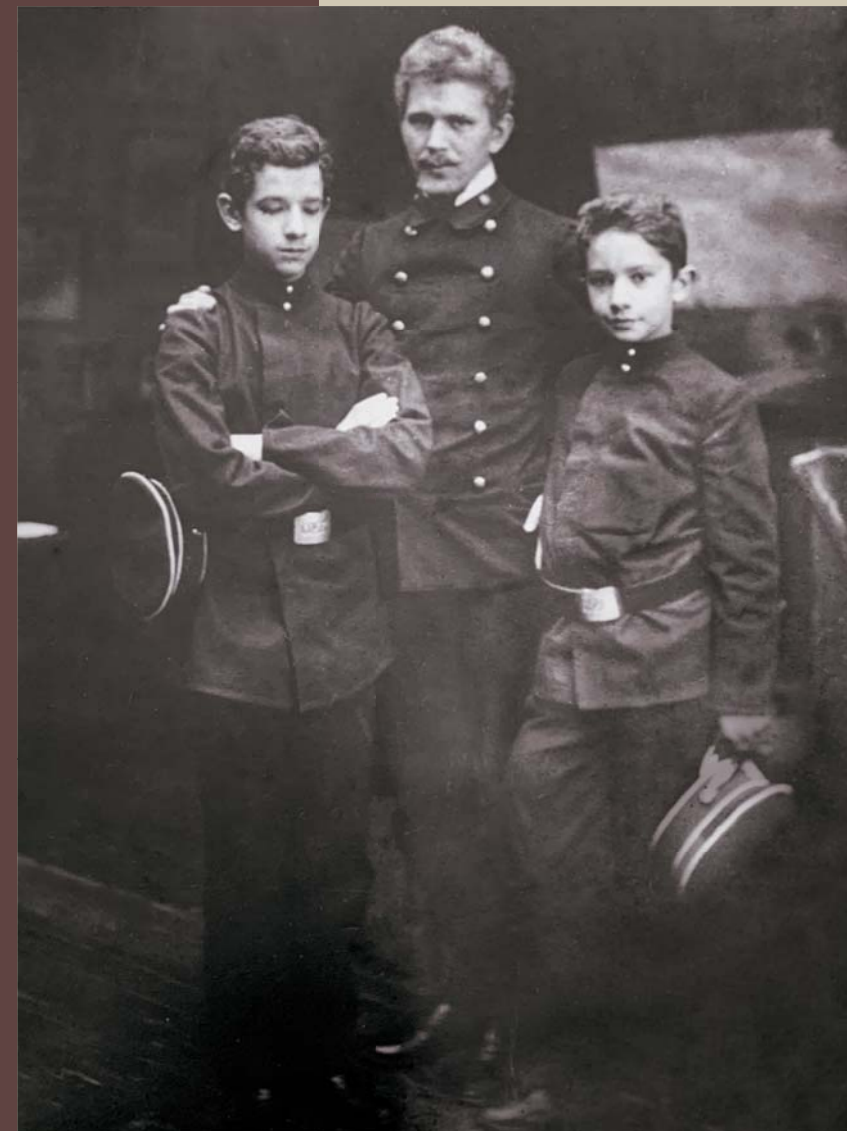
«Искусства только в помощь науке!»

В канун 1914 г. большая и сплоченная семья Санкт-Петербургского художника Генриха Матвеевича Манизера собралась за новогодним столом. В полночь, когда присутствующие загадывали желания, старший сын Генрих, 24-летний студент, встал и провозгласил: «Ну, всё! В этом году еду в кругосветное путешествие!» Младшие ребята запрыгали вокруг него: «Зачем, зачем сказал, может, не получится?!» – «Обязательно получится, в небесной канцелярии уже все записано!» (Соболева, 2018, с. 193).

Приглашение на заседание Русского географического общества 13 мая 1916 г., посвященное этнографическим результатам Второй русской экспедиции в Южную Америку. СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Д. 84. Л. 17–17 об.

© Е. А. Анненкова, 2025

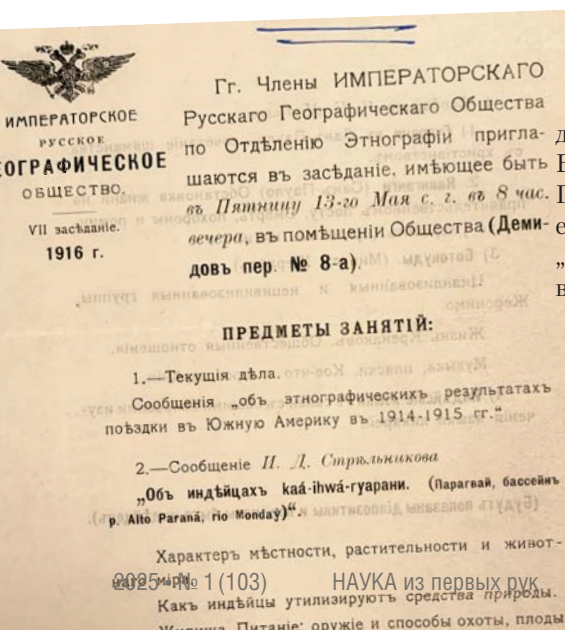
Дом № 3 на Калининской площади (ныне Площадь Репина) в Санкт-Петербурге, где в 1896–1922 гг. жила семья Манизеров. 2023 г. Фото автора

Братья Манизеры – Генрих (слева) и Матвей (справа) – с учителем. 1900-е гг. М. Г. Манизер в будущем станет скульптором-монументалистом, членом АХ СССР. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 67. Л. 4

В новом году желание юноши осуществилось: пятеро молодых ученых, включая Генриха Манизера, действительно отправились в научную экспедицию на другой конец света – в Южную Америку.

Семья Манизеров, в которой было восемь детей (отец был женат вторым браком), с 1896 г. жила в бывшей квартире художника И. Е. Репина в старинном петербургском районе Коломна, на Калининской площади. Супруги очень внимательно относились к воспитанию и образованию детей. По словам единственной дочери Гали, у них было «заполненное содержанием детство» (Там же, с. 189). Помимо общего образования, все дети Манизеров посещали занятия в вечерней рисовальной школе Центрального училища технического рисования, основанного бароном А. Л. Штиглицем, где преподавал их отец.

студента увлекали этнография и лингвистика. Обладал он и немалыми способностями к иностранным языкам – владел несколькими, включая польский, испанский и португальский.

В университетские годы Генрих нередко бывал в Санкт-Петербургской биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта, при которой существовал так называемый Биологический кружок. Члены этого кружка, молодые прогрессивные люди, собирались для обсуждения широкого круга вопросов о науке, искусстве, политике; серьезные разговоры разбавлялись шутками и музицированием. На таких встречах часто бывал со своей скрипкой и Генрих Манизер, который не только участвовал в дискуссиях, но и давал небольшие концерты. Именно здесь он познакомился с четырьмя товарищами по будущей экспедиции в Южную Америку.

Генрих Манизер, играющий на скрипке. Тушь. Автошарж. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 71. Л. 1

Генрих Манизер в год поступления в Императорский Санкт-Петербургский университет. 1908 г. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 65. Л. 14

Занимались они и музыкой, причем старший сын Генрих обучался игре на скрипке особенно серьезно. Однако, несмотря на незаурядные музыкальные и художественные способности, главным направлением своей деятельности он избрал науку: «Искусства только в помощь науке!» (Там же, с. 191). В дальнейшем музыкальный слух скрипача и умение рисовать пригодятся Генриху Манизеру в его научных исследованиях.

После окончания в 1907 г. 5-й Санкт-Петербургской гимназии он учился в Императорском Санкт-Петербургском университете, причем одновременно на двух факультетах – историко-филологическом и физико-математическом (естественное отделение); в то же время посещал лекции в Психоневрологическом институте. Из всех дисциплин больше всего

Участники Второй русской экспедиции в Южную Америку:

Иван Дмитриевич СТРЕЛЬНИКОВ – зоолог, ассистент Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта, 27 лет;

Николай Парфеньевич ТАНАСИЙЧУК – зоолог, студент естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, 23 года;

Сергей Вениаминович ГЕЙМАН – этнограф, психолог, юрист, экономист, студент Санкт-Петербургского психоневрологического института, 26 лет;

Федор Артурович ФИЕЛЬСТРУП – этнограф, лингвист, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, 25 лет;

Генрих Генрихович МАНИЗЕР – выпускник историко-филологического факультета и студент естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, 24 года

«Денег не было, но были вдохновение и мечта, и воля к ее осуществлению»

В чьей именно голове первоначально родилась на первый взгляд безумная мысль об экспедиции в Южную Америку – неизвестно. Как писал много позже ее участник Иван Стрельников, «в кружке молодых биологов, на рассвете длинной февральской ночи 1914 г., после докладов, вечернего чаепития, музыки и в ходе последующей беседы возникла мысль познать жизнь на Земле-планете в ее наибольшем богатстве и роскоши. <...> Мы хотели познакомиться с истоками человеческой духовной культуры, с жизнью, верованиями, языками первобытных племен индейцев Бразилии и Парагвая. Денег у нас не было, но были вдохновение и мечта, и воля к ее осуществлению» (Лукин, 1977, с. 159–160).

Сами путешественники называли свою поездку «студенческой экскурсией». Уже вернувшись из экспедиции, в заметке «Русские студенты в Южной Америке», напечатанной в газете «Биржевые ведомости» 23 мая 1916 г., Манизер рассказал: «Нас было пять. Едва ли вокруг одной общей цели могло объединиться более разнообразное общество! Самый старший С. В. Гейман – юрист, студент-психоневролог, несмотря на полное пренебрежение к иностранным языкам, был самым опытным путешественником – он уже успел повидать Индию, Яву, Японию, участвуя в студенческой экскурсии. Техника ориентировки в новых условиях была у него блестящая, да к тому же близость к журналистике и коммерции, – все это делало из него „присяжного лектора“ и „пропагандиста“ „экспедиции“, как он любил называть нашу поездку, „секретарем“ которой он себя невозмутимо величал.

Следующий – И. Д. Стрельников, как человек непосредственно близкий к микроскопу и физиологии, оказался медиком „экспедиции“ и проявил большую заботливость в составлении нашей аптеки, правда, вернувшейся почти нетронутой обратно.

«Двадцатичетырехлетний Генрих Генрихович Манизер <...> Профессора Щерба и Бодуэн де Куртене считают его блестящим лингвистом, а крупнейший этнограф Лев Яковлевич Штернберг – восходящим светилом этнографии. Он прекрасно рисует, хорошо ездит верхом, плавает как рыба; целеустремлен, напорист, порой вспыльчив и резок» (Танасийчук, 2003, с. 8)

ПЯТЕРО НА РИО ПАРАГВАЙ

В 2003 г. в издательстве КМК вышла документальная повесть «Пятеро на Рио Парагвай», автором которой стал доктор биологических наук Виталий Танасийчук, известный энтомолог и популяризатор науки, сын зоолога Николая Танасийчука, одного из участников «студенческой экскурсии» в Южную Америку.

Предысторию создания этой книги описал сам автор: «Мое воображение с детства занимала большая темносиняя книга, лежавшая на одной из полок книжного шкафа. Непривычно большие листы с крупными машинописными строчками, старая орфография. Рядом – стопка потрепанных журналов, где сразу за текстом отречения царя и портретами членов Временного правительства шли „Очерки путешествия по Бразилии, Боливии и Парагваю“ с фотографиями тропических лесов и белого от пены водопада. <...> Я слушал рассказы о странствиях в далекой стране, где вокруг цветов вьются крохотные, похожие на бабочек, птицы, а бабочки огромны и сами похожи на птиц... <...> „Вот подожди – напишу книгу, и ты прочитаешь там об этом – и о многих других интересных вещах...“»

Написать свою книгу Николай Танасийчук так и не успел, но его дневник, письма и рукописи удалось сохранить. Еще за несколько дней до смерти он рассказывал сыну веселые истории, случившиеся с ним и его друзьями в далекой юности.

Спустя 40 лет сын выполнил обещание отца. Благодаря его работе над первоисточниками и немалому литературному таланту мы можем окунуться в неповторимую атмосферу южноамериканского континента в те давние предвоенные годы, когда пятеро бесшабашных молодых ученых из северной страны отправились за приключениями в малоисследованные области Нового Света

На собрание этнографического материала:

от Музея антропологии и этнографии ИАН	800 руб.
от Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии ИАН	200 руб.
от Музея университета в Буэнос-Айресе	340 руб.

На собрание зоологического материала:

от Зоологического музея ИАН	200 руб.
от Петербургской Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта	200 руб.
от Зоологического кабинета Имп. СПб университета	50 руб.
Без назначения и вклады участников	1800 руб.

Итого: 3690 руб.

«Под будущие коллекции дали небольшие суммы Зоологический музей Академии наук, Лаборатория Лесгафта. Директор Этнографического музея академик Радлов и его заместитель Штернберг не только выделили деньги на закупку этнографического материала, но и помогли выхлопотать дотацию у известного нефтепромышленника Нобеля. Добыл денег для экспедиции московский антрополог профессор Анучин. И, наконец, Стрельников выпросил целых пятьсот рублей у владельца Волжско-Камского пароходства Мешкова, не раз помогавшего Лаборатории Лесгафта, а в свое время давшего очень крупные суммы на создании Пермского университета. Всего, с личными „капиталами“ участников, набиралось немногим больше трех тысяч рублей. При строжайшей экономии этих денег должно было хватить на проезд, на жизнь в течение полугода и, главное, на добывание коллекций. Но для экспедиции в дебри Ориноко этого было мало, там нужно покупать лодки, нанимать гребцов и проводников. Более доступными казались центральные районы Южной Америки, куда можно попасть пароходом по рекам. Особенно привлекал и зоологов, и этнографов бассейн реки Пилькомайо, лежащей на границе Парагвая и Аргентины. Начинать же путешествие решили в Буэнос-Айресе, где у Радлова и Штернберга немало добрых знакомых; они переписывались и вели обмен экспонатами со многими аргентинскими учеными <...> Подготовка шла полным ходом. Паковались инструменты и снаряжение, всевозможные мелочи для обмена у индейцев – бусы, маленькие зеркала, блестящие пуговицы. Гейман притащил черное стеклянрусное платье своей тетки. Над ним смеялись, но он невозмутимо укладывал его в ящик. Стрельников, Танасийчук, Манизер в Зоологическом музее обучались препарированию шкурок птиц и млекопитающих.» (Танасийчук, 2003, с. 9)

В письме к академику В. В. Радлову из Рио-де-Жанейро от 20 февраля 1915 г. Г. Г. Манизер сделал «Краткое предварительное сообщение о работе студенческой экспедиции в Ю. Америке с 21 февраля 1914 г. по 1 февраля 1915 г.», где перечислил первоначально выделенные на экспедицию средства. *СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 70. Л. 144–148*

кто же мог предполагать весной 1914 года, что в наше отсутствие Европа вдруг сойдет с ума!»

Средства на экспедицию собирались буквально с миру по нитке. В организации предприятия и сборе средств приняли участие петроградские и московские музеи и учреждения при содействии таких авторитетных ученых, как директор Музея антропологии и этнографии академик В. В. Радлов, этнограф Л. Я. Штернберг, антрополог, этнограф и археолог академик Д. Н. Анучин.

Итоговая сумма, собранная на экспедицию (3690 руб., что примерно соответствовало годовому жалованию университетского профессора), была более чем скромной для путешествия за океан пяти человек. Так что в путь исследователи отправились с солидным багажом знаний, но налегке в финансовом отношении. То, что это авантюрное предприятие предполагало немалые опасности и приключения, очевидно, было особенно привлекательным для молодых путешественников.

Сохранилось письмо академика Радлова к «Его превосходительству господину С.-Петербургскому градоначальнику» от 26 марта 1914 г. с просьбой о выдаче участникам экспедиции командировочных паспортов. В письме был обозначен статус каждого участника по отношению к воинской повинности. О Генрихе Манизере сообщалось, что он имеет отсрочку до 15 июня

1916 г. В будущем это обстоятельство сыграет роковую роль в его жизни (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 66. Л. 325).

«Студенческая экскурсия»

Задачи «студенческой экскурсии» были более чем серьезные и включали изучение природы южноамериканского континента, исследования материальной и духовной культуры коренного населения, сбор этнографических и зоологических коллекций для отечественных музеев и научных учреждений.

Пятеро путешественников стартовали 21 апреля 1914 г. – им предстоял долгий путь из Санкт-Петербурга через океан. Из Либавы (ныне латвийский порт Лиепая) они доплыли до Лондона, а затем из Саутгемтона до берегов Южной Америки. 22 мая 1914 г., через месяц после отъезда, они прибыли в Буэнос-Айрес.

Там они задержались на три недели, решая организационные вопросы и уточняя дальнейший маршрут экспедиции. В результате намеченная в Петербурге программа была значительно изменена: местные ученые убедили

Путь экспедиции из Европы в Южную Америку: Санкт-Петербург – Либавы – Кильский канал – Немецкое (Северное) море – Лондон – Саутгемптон – Лиссабон – о. Мадейра – «7 дней сплошного океана» – экватор – Пернамбуку (Бразилия) – Рио-де-Жанейро – Сантус – Монтевидео (Уругвай) – залив Ла-Плата – Буэнос-Айрес (Аргентина)

Участники экспедиции в Южную Америку: Г. Г. Манизер, Н. П. Танасийчук, Ф. А. Фиельструп, И. Д. Стрельников, С. В. Гейман. 1914–1915 гг. Карандаш. Шарж Г. Манизера, фрагмент. *СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 50. Л. 12*

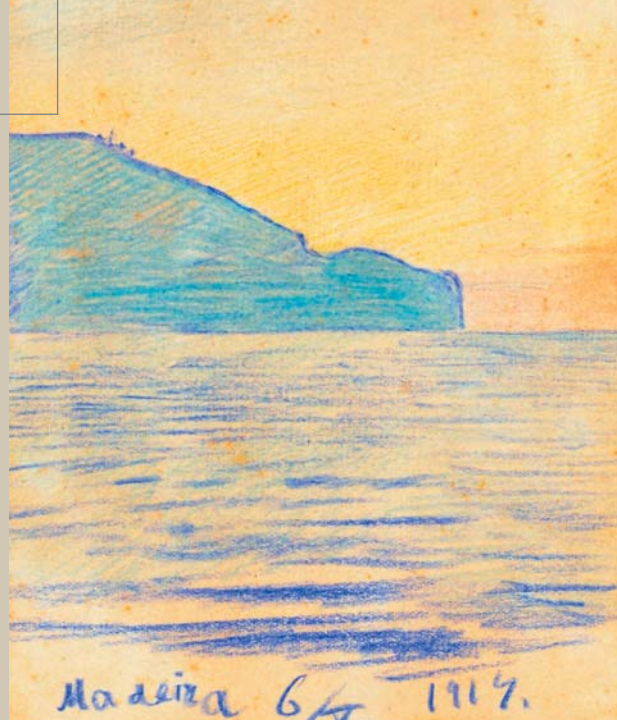
Третий, Ф. А. Фиельструп, поклонник изящной литературы и поэзии, проделал уже научные экспедиции на Кавказ и в Монголию и лучше всех нас владел всеми цивилизованными языками, польза чего видна сама собою. Он и я были „дипломатами экспедиции“ и ее „лингвистическим крылом“. Наконец, Н. П. Танасийчук – великолепно дополнял картину в виде рассеянного натуралиста, „Паганеля экспедиции“, вечно возившегося с пробирками и ружьем, которое „не стреляло“.

Все мы на собственном опыте знали, что значит путешествовать по-студенчески, и нашу поездку решили организовать именно по типу студенческих экскурсий по России. Впрочем, иначе нечего было и думать ее организовывать по понятным экономическим соображениям. <...> Продолжительность поездки была рассчитана на семь-восемь месяцев,

русских путешественников, что ехать нужно в штат Мату-Гросу в центральной части Бразилии.

16 июня 1914 г. исследователи отбыли вглубь континента вверх по р. Парана, а затем по р. Парагвай до г. Асунсьон – столицы Парагвая. Через две недели они добрались до городка Корумбы, расположенного на границе с Боливией и Парагваем. Этот «город невелик, всего десятка два улиц и семь тысяч жителей <...> Европейцы, негры, индейцы, китайцы, бразильцы, парагвайцы, люди всевозможных цветов и оттенков, авантюристы, скупщики драгоценных камней

Рисунки цветным карандашом, сделанные Г.Г. Манизером на корабле во время плавания в Южную Америку: «Madeira» (о. Мадейра). 6.V.1914 г. (СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.) и «Экватор». 12.V.1914 г. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 3. Л. 1

«Первого мая после короткой остановки в Лондоне они отплывают из гавани Саутгемптона на белоснежном трансатлантике „Арланса“ компании „Ройял Мейл“. Он так велик, что на нем просторно даже трем тысячам пассажиров. У наших путешественников маленькая каюта третьего класса на самой корме. Душно, тесно, мешает спать грохот машин – но все искупается ветреным простором Атлантики и ожиданием завтрашнего чуда. Как его предвестники из моря встанут серые утесы Португалии, потом зеленые – Мадейры. И снова океан, который все больше синее, хотя, казалось бы, синеть уже некуда. Где-то позади, за дождями, за горизонтом – Россия, дом, университет. Там скоро начнутся белые ночи, а здесь в темноте гребни волн загораются холодным зеленым светом, за кормой тянется сверкающая полоса, и если открыть в ванной кран с забортной водой – из него как будто сыплются искры. Это вспыхивают ночесветки, мельчайшие морские животные. Днем у борта в прозрачной воде играют дельфины, блестя плавниками вспархивают стайки летучих рыб, и Гейман, подклеив к линзам бинокля волосок, предлагает легковверным попутчицам посмотреть на линию экватора.

Наступает дождливое утро семнадцатого мая. Навстречу кораблю выплывают из тумана темные глыбы островков, и облака цепляются за их вершины. Это уже Америка. Горы впереди смыкаются, из-за горизонта поднимаются причалы и стоящие у них корабли – огромные, как дворцы, а за ними белеют дворцы, похожие на корабли. И все вместе сливается в один неповторимый, по картинкам с детства знакомый пейзаж Рио-де-Жанейро» (Танасийчук, 2003, с. 10–11)

и каучука, охотники за перьями цапель, лесопромышленники, плантаторы, торговцы <...> Несмотря на адскую жару, вся цивилизованная публика разгуливает в темных европейских костюмах, в крахмальных воротничках» (Танасийчук, 2003, с. 17).

В Корумбе, как сообщил Манизер в письме к Радлову, «ввиду разности задач и ограниченности средств» участники разделились на две группы (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 70. Л. 145 об.).

Зоологи (Стрельников и Танасийчук) решили остаться работать в этой части Гран-Чако – слабозаселенного тропического региона с полупустынным ландшафтом в бассейне р. Парана, который частично захватывает территории Боливии, Парагвая, Аргентины и Бразилии, включая штат Мату-Гросу. Этнографам же (Манизеру, Фиельструпу и Гейману) пришлось отправиться дальше, на юг и восток Бразилии, так как в окрестностях Корумбы диких индейских племен не сохранилось. Гейман, будучи персоной независимой, вскоре отделился и следовал собственному маршруту. Каждого из пятых исследователей ждали свои испытания и приключения.

14 июля 1914 г. Николай Танасийчук записал в своем дневнике: «В пять часов тронулись, поцеловались на прощанье с нашими. Тяжело расставаться после трехмесячной совместной жизни. Когда-то и где увидимся?» (Танасийчук, 2003, с. 21).

Путь русской экспедиции вглубь континента: р. Парана – р. Парагвай – г. Асунсьон (столица Парагвая) – г. Корумба (штат Мату-Гросу, Бразилия), куда путешественники прибыли 1 июля 1914 г.

ВГЛУБЬ КОНТИНЕНТА

«Бойко шлепая по воде плицами колес, идет против течения небольшой белый пароходик. <...> На борту полтора пассажира – пестрая толпа гаучо из пампы, искателей золота и алмазов, „индиос сивилисados“ – цивилизованных индейцев, эмигрантов из разных стран Европы. Почти все вооружены, и приближение судна слышно издали по отчаянной пальбе, которая открывается по каждому встречному кайману-жакарэ. <...> На корме, не обращая внимания на шум, расположились пятеро молодых людей. На всех – новые крепкие английские башмаки с твердыми кожаными гетрами, парусиновые куртки; через плечо – футляры с биноклями и фотоаппаратами. Капитан обращается с ними весьма почтительно: ведь это не какие-нибудь землемеры или торговцы, это исследователи, эксплораторес, и приехали они издалека из ледяной Московии. О них писали в асунсьонских газетах; капитан даже помнит заголовок – „Экспедишн де бравос эстудьянтес русос“, экспедиция отважных русских студентов.

„Бравос эстудьянтес“ делают записи в дневниках, играют в шашки, пишут на родину очень бодрые письма – и ни за что не хотят признаться друг другу, что на душе у них скребут если не здешние ягуары и пумы, то все равно достаточно крупные кошки. Эстудьянтес попросту боятся. Не лесных опасностей и отравленных стрел, а того, что они могут не справиться, что могут вернуться на родину, не сделав намеченное. У них нет умения экспедиционной работы, у них мало денег и мало времени. Они думают о том, что сейчас июнь, а к рождеству им нужно вернуться. То, что это июнь не какого-нибудь, а тысяча девятьсот четырнадцатого года, не говорит им ни о чем. Мир спокоен, и эрцгерцог Франц Фердинанд еще не приехал в Сараево» (Танасийчук, 2003, с. 4–5)

«Индейцев тут гораздо больше, чем обыкновенно думается даже бразильцами»

Манизер и Фиельструп занялись исследованием жизни, быта и обычаев коренного населения Бразилии. Всего они посетили семь индейских племен: *кадиувео, терено, файя, шаванты, каинганги, гуарани, ботокуды*. Имея отличную академическую подготовку, молодые ученые обстоятельно подходили к работе.

Генрих Манизер собирал лингвистические материалы, изучал языки индейцев, составлял глоссарии; искал экспонаты для этнографических коллекций, включавших оружие, украшения, предметы культа и быта. Как музыкант, он особенно интересовался музыкальными традициями индейцев, а будучи художником, в течение всего путешествия зарисовывал увиденное. Эти рисунки, являющиеся ценным иллюстративным дополнением к результатам исследований, дошли до наших дней. Сохранились и фотографии, сделанные

«Nalique» (д. Налике). 4 августа 1914 г.
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 13. Л. 1

«Мальчик, сидящий на корнях гигантского дерева» (слева).
14 июля 1915 г. Карандаш. Рисунки Г. Г. Манизера.
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об.

«Июль – середина зимы в южном полушарии, а зима – сухое и жаркое время года, и на бескрайних равнинах все выгорает. Деревья здесь теряют листву не от холода, а от недостатка влаги. Солнце пронизывает их голые ветви, тени прозрачны, и весь пейзаж окрашен нежно-серым цветом, на котором яркими пятнами выделяются цветущие безлистные деревья – розовые, желтые, белые. Повсюду заросли карагуаты, родственницы ананаса, травы из семейства бромелиевых. Ее листья порой достигают человеческого роста; у них острые края, а поверхность покрыта множеством мелких кривых шипов, изогнутых во всех направлениях. Впрочем, это не единственные колючие растения – впиваются в тело шипы кактусов, цепляются шипы ватного дерева, режут кожу побеги бамбука. Без длинного и тяжелого тесака-мачете ходить невозможно. Зато на склоне горы, у сбегającego каскадами ручья тень и зелень. Здесь растут увешанные растениями-эпифитами пальмы, тянутся к небу фикусы и древовидные папоротники. Жизнь бьет ключом – нужно только внимательно присмотреться, чтобы увидеть ее. Манизер пишет: „Сидишь не двигаясь в тиши; вдруг зажужжит над головой среди зелени колибри и сядет, помахивая хвостиком, поворачивая головку и попискивая, – такой маленький, что кажется, что он сидит далеко, а между тем он тут, в двух шагах; или неуклюжая кукушка пияя, с красивым длинным хвостом, ныряет маленькими прыжками в листве; или, скрипя горлом, прилетит тукан на плодовое дерево и, блестя оранжевой грудкой и желтым носом, примется шелушить плоды, косточки которых, хлопая по листьям, летят на землю. Попугаев стреляли мы «прямо из дому». Звери настолько еще не привыкли к новому врагу – человеку, что тропы их проходили у самых жилищ, и раз в лунную ночь мы были разбужены тапиром, проскакавшим у самого лагеря“» (Танасийчук, 2003, с. 20)

Манизером во время пребывания среди индейцев, на которых запечатлены бытовые сцены, виды селений, природа Бразилии.

В первые месяцы путешествия этнографы успешно работали на территории племен кадиувео, терено и файя. А потом случилось непредвиденное.

30 октября 1914 г., возвращаясь из индейского поселения, этнографы с целью сэкономить деньги и время приобрели два индейских каноэ («однодревки»). В письме к родным Манизер писал: «Пришлось изобрести новое судно – связать две однодревки. Сами мы сели в левую лодку, коллекции поместили в правую, туда же и наш багаж <...> Выехали при луне» (СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 51).

Таким образом, погрузив в связанные лодки имущество и собранные за несколько месяцев работы материалы, Манизер и Фиельструп начали сплавляться по тихой реке Парагвай. На второй день «сильный дождь заставил остановиться», но вскоре путешественники продолжили путь. Неожиданно налетел шквал, каноэ перевернулись, и практически все их вещи утонули:

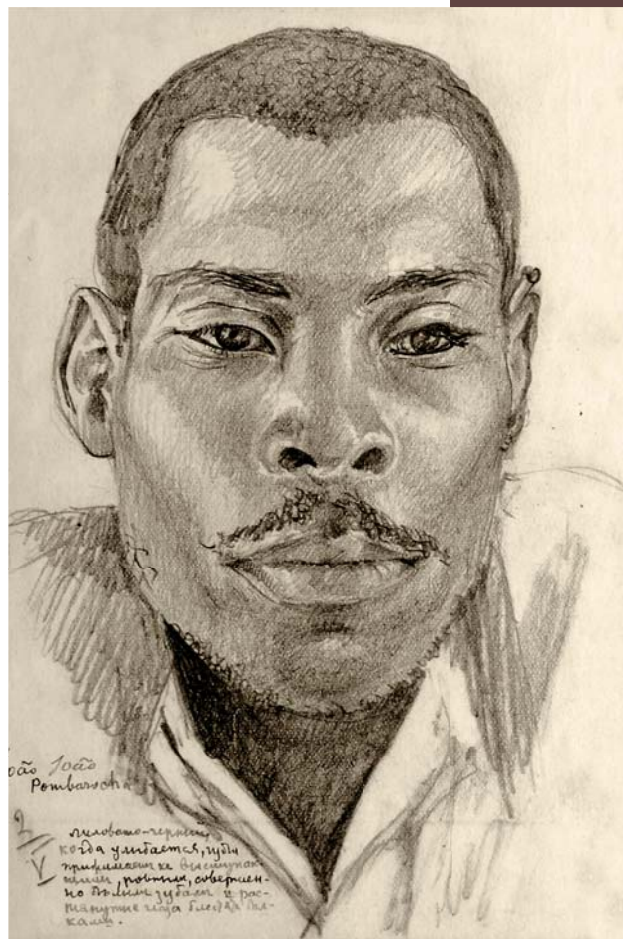
«Jacutinga» (жакутинга, *Pipile jacutinga*). Карандаш. 1914–1915 гг. Рис. Г. Г. Манизера с заметками автора. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 50. Л. 15

Так, в одном из писем Генрих подробно описывает события в день своего рождения, 21 сентября: «В день моего 25-летнего юбилея утром после завтрака мы пустились в новые места на Таруму [район и город в Бразилии, штат Сан-Паулу]. С нами два быка с индейцами и негр-итенком. По дороге питались великолепным чураско [аналог гриля или барбекю] из жирного мяса (во время полудневной остановки в соседстве кактусов, бромелий и зонтикообразных акаций). В первый раз увидел я цикаду на свободе – как аэроплан она пролетела и села против меня, поворачивая огромные глаза, с таким же гудением снялась и скрылась в зелени. ... по дороге встречались убегающие страусы и скачущие олени (косули или лани). Одна лань подпустила нас совсем близко – шагов на двадцать, вышла на тропинку и, с любопытством подняв голову и поставив уши, смотрела в нашу сторону...» (СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 44–45)

[illegible]

«Maracuja (Passiflora)» (маракуйя; *Passiflora murucuja*). Карандаш. 1914–1915 гг. Рис. Г. Г. Манизера с заметками автора. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 50. Л. 19

В личном фонде Г. Г. Манизера в СПбФ АРАН хранятся также более 90 рисунков, выполненных им во время экспедиции (Ф. 985. Оп. 1. Д. 2–50). Их можно разделить на три группы: географические – виды городов и местностей, в которых побывал ученый; зоологические и ботанические – зарисовки местных животных и растений с многочисленными комментариями автора; этнографические – портреты представителей коренного населения Бразилии.

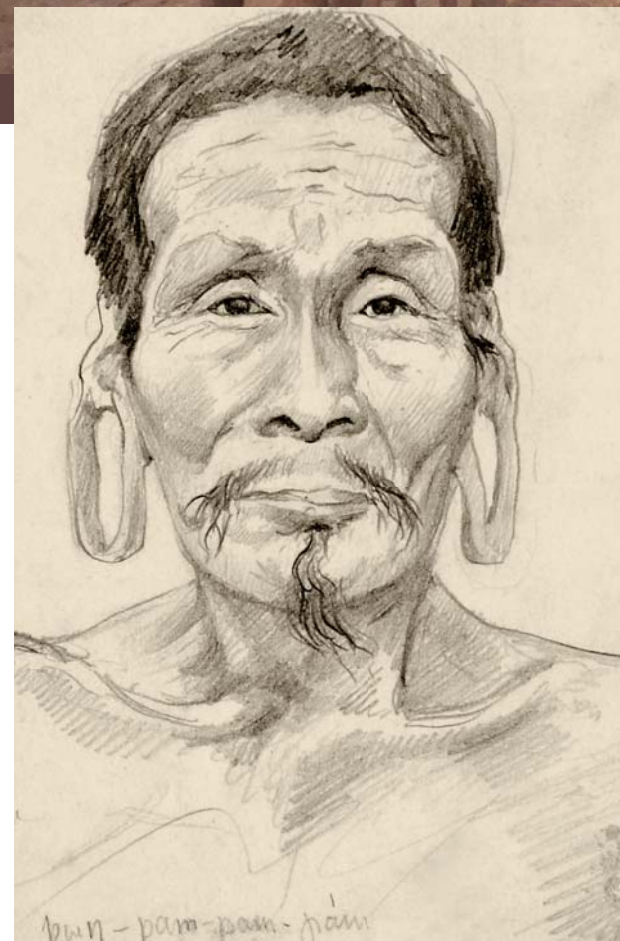
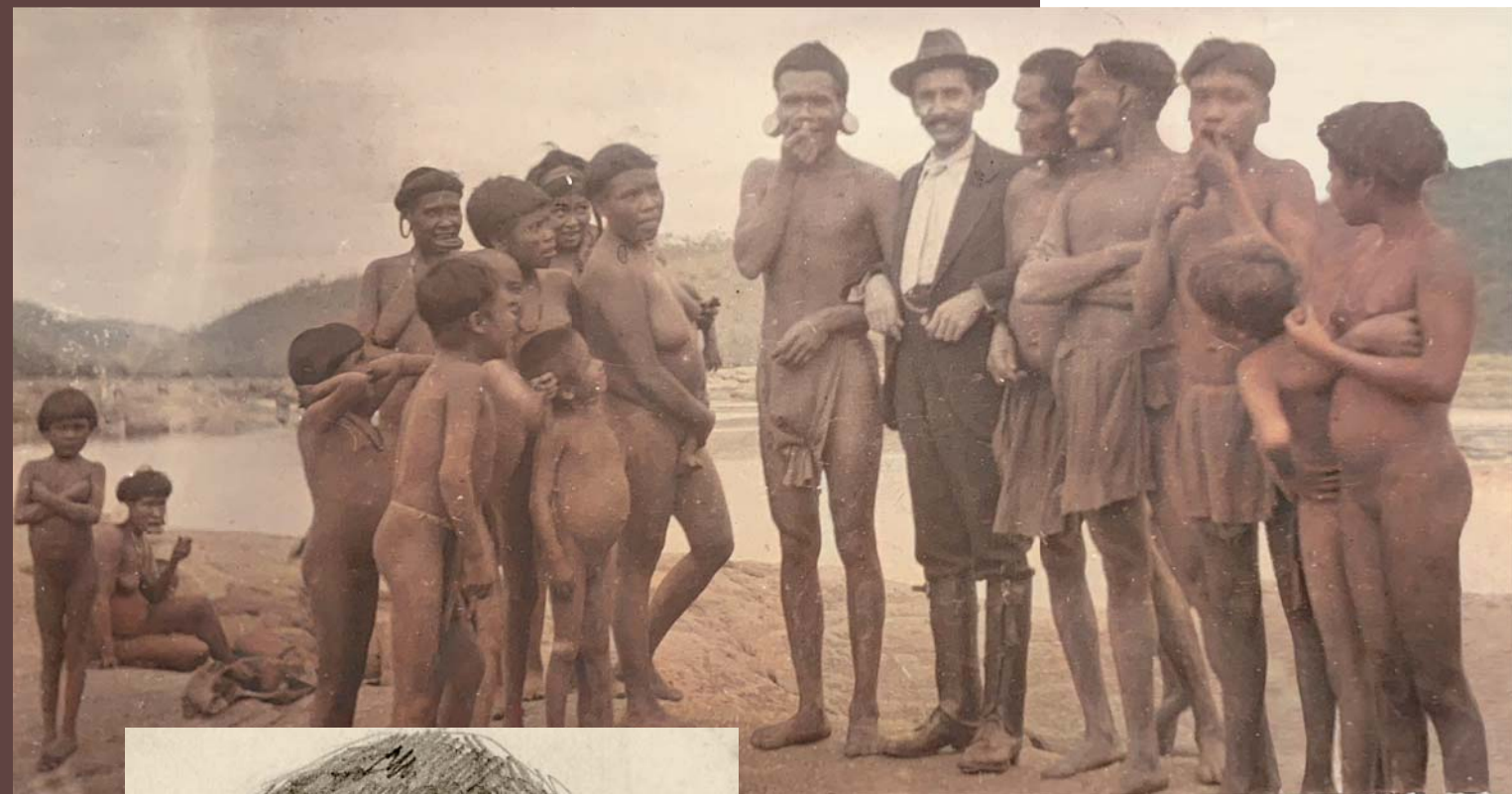
Портреты местных жителей, в том числе детские, выполнены с большим художественным мастерством, передают не только внешние данные, но и характеры персонажей. Практически на всех портретах указаны имена «натурщиков» и даны некоторые сведения о них. К примеру, портрет Жоао Помбароша снабжен следующим комментарием автора: «лиловато-черный, когда улыбается, губы прижимает к выступающим, ровным и совершенно белым зубам, и растянутые глаза блестят белками» (СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 28; см. также: Файнштейн, 1977)

«João Pombarocha» (Жоао Помбароша). Карандаш. 2 мая 1915 г. Рис. Г. Г. Манизера. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 28. Л. 1

Справа – индейцы племени ботокудо (от слова «ботока» – вставка в виде кольца/диска в уши или в губу). Бразилия. 1914–1915 гг. Фото Г. Г. Манизера. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 59. Л. 6. Редакционная ретушь цветом

Справа внизу – портрет индейца-ботокудо. Карандаш, 1915 г. Рис. Г. Г. Манизера. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 37. Л. 1

Индейцы кадьюево. Бразилия. 1914–1915 гг. Фото Г. Г. Манизера. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 55. Л. 6. Редакционная ретушь цветом

фотоаппарат, ружье, одежда, а также собранные коллекции и полевые дневники.

Потери были велики, но главное – они остались живы, а значит, путешествие продолжалось. Исследователи вытащили лодки, продали их в ближайшей деревне и на вырученные деньги добрались до базы экспедиции в селении Барранку-Бранку вблизи Корумбы, где они оставили паспорта.

Поскольку результаты полугодовой работы были утрачены, этнографы приняли решение вернуться и повторить все сначала. Но оставшихся денег на двоих было недостаточно, и они бросили жребий, кому продолжить работу в индейских племенах. Выпало Манизеру.

В письме от 25 ноября 1914 г. он осторожно сообщил родным о задержке с возвращением: «Возвратиться домой хочется, очень, но пути, вероятно, все закрыты – посмотрим еще. Целую всех крепко – придется еще пробыть месяца два не видав вас всех – не чаял, что так надолго закачусь. Спешу с письмом, т. к. сейчас отсюда уезжает Фиельструп в *Buenos Ayres*, чтобы ликвидировать наши дела здесь – на дороге обратно в Европу мы с ним встретимся. Еще раз целую всех. Я пожирел, поздоровел, говорят, и хоть бы чем-нибудь поболел, как ни в чем не бывало» (СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 56).

«СТРАННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ»

В письме домой Генрих Манизер описал, по его словам, «странное приключение», в результате которого этнографы лишились не только имущества, но и собранных научных материалов:

«Погода была ясная, хотя тучки и набегали. Когда поверхность реки стала гладкой, мы выехали на ее середину, дабы использовать течение. Поднялся ветерок, река вдруг стала желтой, и побежали белые гребешки. Стали грести к берегу – до него далеко, а волны все сильнее и выше, вот-вот захлестнут однодревку.

Повернули по ветру, кричим друг другу – удирать от волн, но куда. Все выше и все скорее, шумные желтые, они заливают с кормы. Лодка поворачивается то вправо, то влево – едва сил хватает держаться вдоль реки. Но вот Ф. что-то крикнул – я оборачиваюсь назад – волна набежала, и сразу вся лодка полна желтой воды – быстро стала спускаться – мы в другую, но все сооружение сразу перевернулось вверх дном.

И вот мы среди реки, под нами вверх дном однодревки, и волны катятся через головы так, что едва передохнуть успеваешь. Кругом качаются на волнах горшки, гамаки, мешочек с биноклем, луки, весла, мой словарь языка теренов, вывалившийся из кармана пальто; корзины – работа индейцев – тяжелых вещей (как аппарат, книги, дневники, рисунки в портфеле), разумеется, мы не видели. Понемногу расстояние все увеличивается между предметами, лодки скрипят на скреплении – лопнуло одно, лопнуло другое – я на одной, Ф. на другой. С каждой волной однодревку вертит, и карабкаешься по ней под водой. Я попробовал плыть без лодки – куда, сапоги так и тянут вниз. <...>

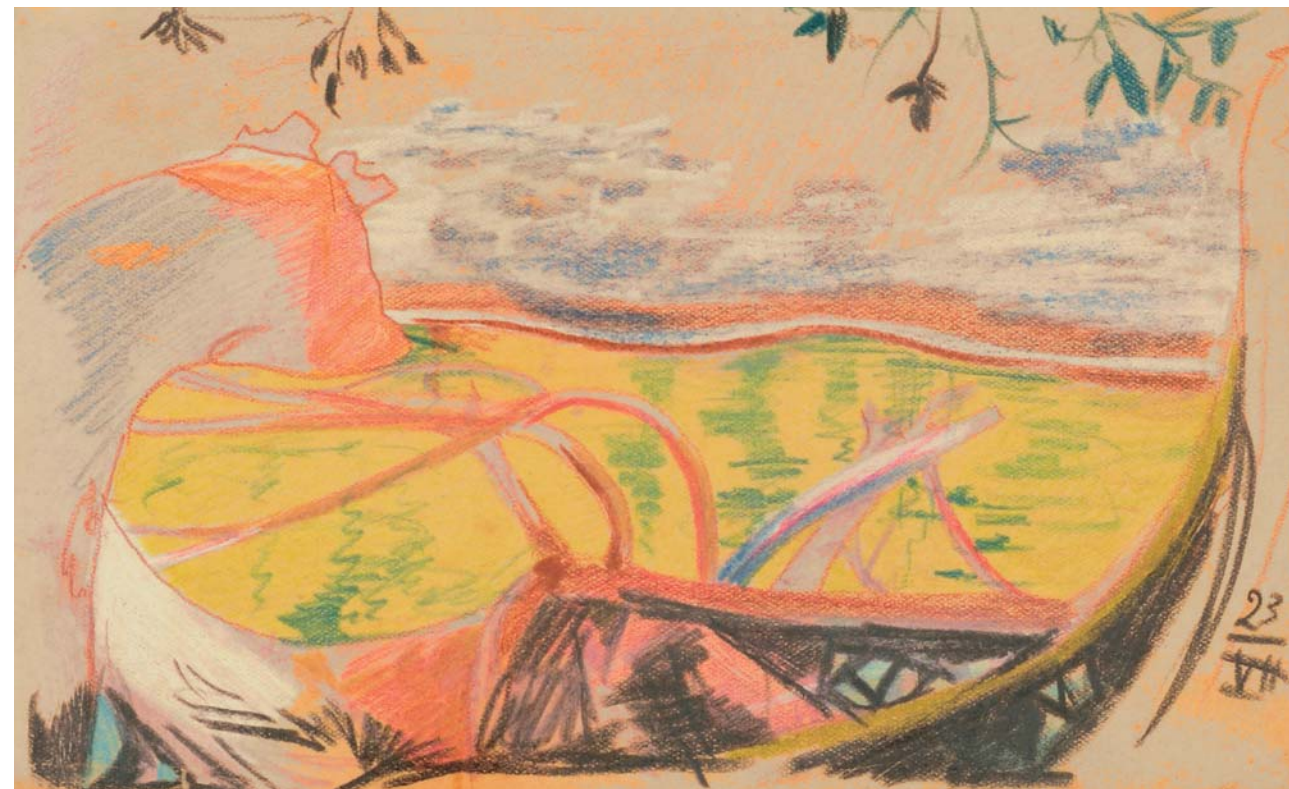
Наконец мы продрогли и решили что-нибудь предпринимать – бросить вещи и спасать шкуры. После изрядных усилий правый берег стал ближе, и наконец я увидел, что Ф. с радостным лицом пошел по дну, таща лодки (одна цепь между ними еще осталась). Вытащив лодки на берег, мы долго лежали в мокром тростнике под ветром и дождем – нас колотило, как в лихорадке. Очухавшись, пошел проведать лодку – в одной из них чудом уцелело что-то из коллекций *chavantes* [шаванте, или шаванты – одно из индейских племен Бразилии], но ничего другого не было и в помине» (СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 52–53)

«Попугай». Цветной карандаш. 1914 г.
Рис. Г. Г. Манизера.
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 40. Л. 1

После отъезда Фиельструпа в конце декабря 1914 г. Манизер остался в Бразилии один – и не на два месяца, как он писал домой, а еще на восемь!

Об этих обстоятельствах он сообщил Радлову в письме от 2 февраля 1915 г.: «... поневоле останусь у дикарей до получения подкрепления из Петербурга. Письмо и ответ идут три месяца, так что до 1 мая мое пребывание в лесу обеспечено. Все сделанное до сих пор, сознанные ошибки, постигнувшие неудачи и несчастья (крушение лодок на р. Парагвай) дали мне, надеюсь, достаточную опытность, особенно по части языка и всякого рода превратных переводов и истолкований.

Вообще говоря, индейцев тут гораздо больше, чем обыкновенно думается даже бразильцами, очень равнодушными к ним, когда они не угрожают пожарами и смертями. Присланные деньги ... я хочу использовать, если понадобится, на увеличение коллекций ботокудов и на путешествие к *kaingang'am* в шт. Парана [штат на юге Бразилии, граничащий со штатом Мату-Гросу],

«Индейское каноэ на р. Парана». Цветной карандаш. 23 июля 1914 г. Рис. Г. Г. Манизера.
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 11. Л. 1

а затем уже буду думать о возвращении. <...> Желая всего хорошего и был бы очень признателен, если бы Вы или Л. Я. [Штернберг] вспомнили бы обо мне и наградили бы советом и инструкциями – это важнее денег» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 70. Л. 148).

Оставшись один, Манизер исследовал три племени индейцев: каинганги, гуарани и ботокуды, причем у последних он прожил полгода. Его ботокудский дневник будет опубликован только век спустя (Соболева, 2016).

Из Петербурга – в Петроград

Время шло. Коллекции были собраны – встал вопрос о возвращении домой. Известно, что Музей антропологии и этнографии выделил и отправил Манизеру средства на продолжение исследований, однако получить их возможности не представилось.

За время полугодовой «экскурсии» студентов по Южной Америке в мире произошли глобальные события – началась Первая мировая война.

Как восприняли эту новость товарищи Манизера по экспедиции, можно понять из разговора Ивана Стрельникова и Николая Танасийчука: «– Беда, Никола! Европа сошла с ума... Немцы вторглись

в Бельгию, наши дерутся с ними в Восточной Пруссии. А все сообщения из России помечены каким-то сербским городом „Петроград“ – вы слышали о нем когда-нибудь? – Так это же Петербург, Митрич! Вот – петитом – меточка о переименовании. А здесь – нечто для нас: „Сообщение с Европой если не прервано, то очень затруднено“» (Танасийчук, 2003, с. 33–34).

Так что отбывали путешественники в экспедицию из Петербурга, а вернуться им пришлось в Петроград; уезжали вместе, а возвращались поодиночке, кто как сумел. Конечно, из дома им оказывалась поддержка как от Музея антропологии и этнографии, так и от отдельных персон. В итоге четверо путешественников – Стрельников, Танасийчук, Фиельструп и Манизер (Гейман остался в Америке по собственному выбору) – вернулись в Россию к концу 1915 г. Все собранные материалы и коллекции были также успешно доставлены в столицу.

План Манизера добраться домой через Владивосток не осуществился. 2 октября 1915 г. он выехал из Ла-Платы в Ливерпуль и 6 ноября прибыл в Петроград – город был переименован 31 августа 1914 г. по указу императора Николая II вследствие антигерманских настроений, царивших в то время в обществе.

«А на кафедре молодой человек рассказывал не совсем обыкновенные вещи»

Итак, Манизер, молодой, но уже опытный, полный сил и устремлений, только что вернулся из Южной Америки, не подозревая, что жить ему осталось всего полтора года. Или, учитывая свойственную ему высокую производительность работы, правильнее было бы сказать: целых полтора года.

Что он успел сделать за это время? По возвращении домой он, как и другие участники экспедиции, занимался обработкой привезенных материалов, которые пополнили коллекции нескольких музеев Петрограда и Москвы, включая Музей антропологии и этнографии и Зоологический музей Академии наук, а также музей Московского университета.

8 декабря 1915 г. Генрих Манизер выступил в Русском антропологическом обществе при университете с докладом «Каинганги Сан-Пауло по наблюдениям на месте в 1914–1915 гг.». Текст доклада с приложенным иллюстративным материалом сохранился. Изображения включают составленную ученым карту расселения индейских племен в штате Мату-Гросу, его собственные зарисовки, а также собранные им рисунки индейцев (СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Д. 84).

13 мая 1916 г. Русское географическое общество (РГО) устроило специальное заседание, посвященное этнографическим результатам экспедиции, на котором Стрельников, Фиельструп и Манизер доложили о проделанной работе (Танасийчук не смог присутствовать). Наряду с остальными участниками экспедиции Генрих Манизер был удостоен серебряной медали РГО.

Двумя днями позже о мероприятии сообщила газета «Новое время»: «В эту пятницу аудитория Императорского географического общества была битком набита публикой. <...> На экране был отброшен диапозитив с какими-то голыми людьми, а на кафедре молодой человек рассказывал не совсем обыкновенные вещи. <...> В самом деле, интересно уже то, что трое русских молодых людей – И. Д. Стрельников, Ф. А. Фиельstrup и Г. Г. Манизер – все на вид юноши взяли да поехали

«Pedrinho» (Педриньо). Карандаш. 1915 г.
Рис. Г.Г. Манизера.
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 31. Л. 1

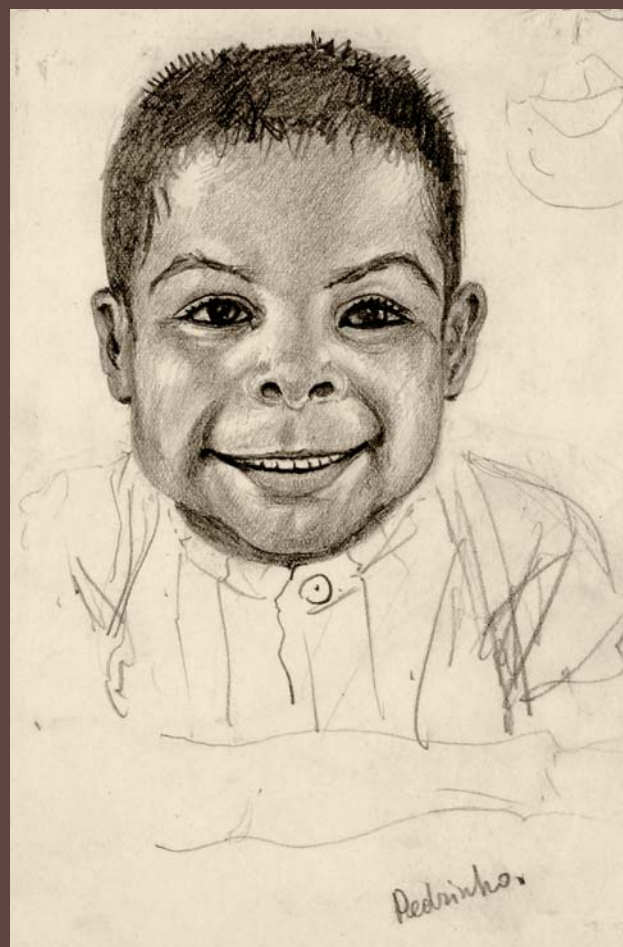
«Специалисты очень высоко оценили результаты экспедиции – ведь только в Музей антропологии и этнографии поступило почти восемьсот предметов, собранных у индейцев, а в Музей антропологии Московского университета – более двухсот. При этом собраны они были у племен, зачастую слабо изученных, вещей которых не было не только в русских, но и в иностранных, даже южноамериканских музеях. <...> Огромен был и зоологический материал. Стрельников и Танасийчук писали Штернбергу: „Всего мы привезли 16 ящиков коллекций (43 пуда) по зоологии, этнографии, ботанике“ <...> Кое-какой зоологический материал привез и Манизер» (Танасийчук, 2003, с. 229–230)

в Парагвай и Бразилию. <...> Они не только „собирались“ ехать в Америку, но и в самом деле осуществили эту идею, туманящую головы миллионов читателей Майн-Рида. Взяли да и поехали. <...> что они, действительно, решительные и смелые, доказывает их одинокая жизнь в тропических лесах целыми неделями и месяцами среди населения, которое ходит все еще голое, стреляет из луков и целый день проводит на охоте за дикими зверями» (Меньшиков, 1916, с. 5).

По возвращении из экспедиции Манизер также подготовил несколько статей, которые были опубликованы

«Maria. Filha de Theophilo» (Мария, дочь Теофило)
и «Arlindo» (Арлиндо). Карандаш, 1915 г.
*Рис. Г.Г. Манизера. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 38.
Л. 1, и Ф. 985. Оп. 1. Д. 30, Л. 1*

Внизу – карта расселения индейских племен в штате Мату-Гросу, Бразилия. Приложение к докладу Г. Г. Манизера «Каинганги Сан-Пауло. По наблюдениям на месте в 1914–15 гг.». *Рис. Г. Г. Манизера.*
СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Д. 85. Л. 48

«Caduveo» (индеец-кадьюео). Карандаш.
1 июля 1914 г. Рис. Г.Г. Манизера.
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 25. Л. 1

в 1916–1917 гг. в разных изданиях: «Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г.», «Русские студенты в Южной Америке»; «Индийские впечатления», «Из путешествия по Южной Америке в 1914–1915 гг.».

Особняком стоит его статья «Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии», где приведены записи нотных текстов местных мелодий, наблюдения песенных и танцевальных традиций, а также выполненные автором рисунки и фотографии музыкальных инструментов (Манизер, 1918; СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–20).

Отдельная заслуга ученого – подготовка монографии «Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828)», где он обстоятельно описал деятельность и результаты работы своего предшественника. Фактически Манизер открыл для мировой науки Первую русскую экспедицию в Южную Америку. Книга эта,

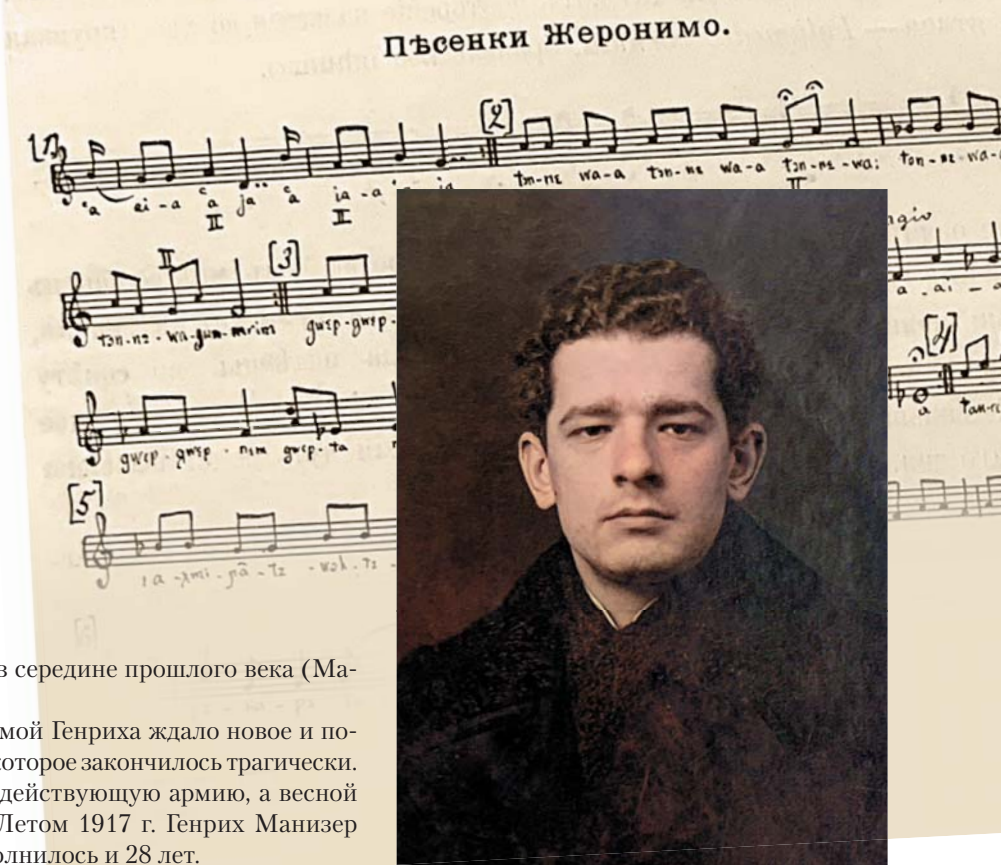
«ЗАПОЗДАЛЫЙ ДОЛГ АКАДЕМИИ»

«Самым продуктивным последний предреволюционный год стал для Манизера. Он не теряет ни дня, из-под его пера выходит буквально фейерверк блестящих работ. <...> И в этом году он делает самое большое свое открытие. Он открывает экспедицию Лангсдорфа. Все месяцы жизни у ботокудов Манизер помнил о находке в Национальном музее Рио-де-Жанейро, о таинственной, будто без следа исчезнувшей русской экспедиции. Теперь он просматривает витрины Музея антропологии и этнографии, роется в фондах, перелистывает книги поступлений и обнаруживает добрую сотню предметов с этикеткой „Лангсдорф“. Более того, в соседнем здании, в Зоологическом музее он видит эту этикетку на чучелах животных. <...> Манизер работает скрупулезно и терпеливо, стараясь не поддаваться эмоциям. А их – предостаточно. Пожелтевшие страницы рассказывают о тяжелых странствиях через девственные леса и земли воинственных индейцев по оштетиненным порогами рекам, о болезнях и опасностях, о смерти одного из участников экспедиции и о бесконечно печальном конце самого Лангсдорфа. Человек огромных знаний и неукротимой энергии, он много месяцев преодолевал тропическую лихорадку, но в конце концов она победила его, лишив памяти. <...> Он прожил еще двадцать шесть лет, но так ничего и не вспомнил о величайшем достижении своей жизни.

И вот, наконец, Манизер ставит последнюю точку и пишет короткое предисловие о том, как была написана книга. Он кончает его словами: „Напечатание ее – запоздалый долг Академии забытому ее члену“. Долг этот Академия платила долго, книга вышла в свет только в 1948 году. Но и в рукописи, лежащая в архиве, она была подобна ядерному запалу, вызывающему цепную реакцию. Первые основанные на ней доклады и статьи были опубликованы ... уже в 1926–1929 годах. Затем отыскиваются все новые материалы, число публикаций нарастает лавиной. В бразильской прессе пишут о „новом открытии Бразилии в русских архивах“, выходят многочисленные статьи и книги, посвященные Первой русской научной экспедиции в Южную Америку – таково теперь ее научное название» (Танасийчук, 2003, с. 232–234)

Автор и редакция благодарят администрацию Санкт-Петербургского филиала Архива РАН за разрешение использовать архивные материалы из его фондов

Лист с нотным текстом из статьи Г.Г. Манизера «Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии» (1918).
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 1

однако, была опубликована лишь в середине прошлого века (Манизер, 1948).

Через год после возвращения домой Генриха ждало новое и последнее «странное приключение», которое закончилось трагически. В конце 1916 г. он был призван в действующую армию, а весной отправлен на румынский фронт. Летом 1917 г. Генрих Манизер умер от сыпного тифа. Ему не исполнилось и 28 лет.

При содействии Академии наук брат погибшего Матвей Манизер вывез его тело и похоронил на семейном участке Казанского кладбища в Царском Селе.

В газете «Речь» 7 июля 1917 г. был опубликован некролог: «Вольноопределяющийся дивизионный метеоролог Генрих Генрихович Манизер скончался 21 июня в Румынии от сыпного тифа». Такова краткая телеграмма, полученная только что родственниками покойного. Для всех, знавших этого молодого разностороннего и высокоодаренного человека, кончина его – потеря невознаградимая. <...> Как грустно сознавать ... что подававшая такие огромные надежды жизнь кончилась и что труды его, подготовлявшиеся при таких благоприятных данных, так и остаются незаконченными...» (СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 72. Л. 1, 2).

Вероятно, Генрих Манизер был из тех людей, о которых писал Редьярд Киплинг, – измеряющих расстояния секундами:

«И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, –
Земля – твое, мой мальчик, достоянье.
И более того, ты – человек!» *

Сам Манизер в письме к родным от 22 апреля 1915 г. напишет: «Невольно подводишь итоги и взвешиваешь, стоило ли ехать в такую даль. <...> Как бы то ни было, я теперь не жалею, что поехал, а когда вернусь – и подавно не стану жалеть. Правда, расчеты были все неудачны – того, что хотел, не видал, зато видел много такого, о чем и не мечтал. <...> Приехав, буду куда-нибудь пристраиваться – довольно, кажется, погулял. Будьте здоровы, будьте веселы, а ныне немножко завидуйте мне». **

* Перевод С.Я. Маршака.

** СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 69.

Пьсенки Жеронимо.

Г.Г. Манизер (1889–1917). Январь 1916 г.
СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 65. Л. 27

Литература

Лукин Б.В. Из материалов русской научной экспедиции 1914–1915 гг. в Южную Америку // Латинская Америка. 1977. № 1. С. 158–189.

Манизер Г.Г. Из путешествия по Южной Америке в 1914–1915 гг. // Природа. 1917. № 5–6. С. 620–660.

Манизер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828). М., 1948. 180 с.

Меньшиков О.М. Письма к близким. (Антиподы. – Победа без пулеметов) // Новое время. 1916. № 14435 (15/28 мая). С. 5.

Соболева Е.С. Г.Г. Манизер – участник Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг.: бразильский дневник. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 605 с.

Соболева Е.С. Письма Г.Г. Манизера из экспедиции в Южную Америку (1914–1915) как этнографический источник // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 18 / отв. ред. Е.Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 187–204.

Танасийчук В.Н. Пятеро на Рио Парагвай: док. повесть. М., 2003. 253 с.

Файнштейн М.Ш. Письма и рисунки Г.Г. Манизера в Архиве АН СССР // Латинская Америка. 1977. № 3. С. 166–174.